

УДК 340

ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ «ТЕРРОРИЗМ»: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Упоров Иван Владимирович

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

uporov@list.ru

Аннотация

Понятие «терроризма» уже длительное время является предметом как доктринальных толкований, так и законодательного регулирования. В статье на уровне тенденций рассматриваются особенности этого процесса применительно к нашей стране, когда еще в советское время стали появляться научные публикации на этот счет (конец 1980-х гг.). Отмечается, что российский законодатель в постсоветский период существенно скорректировал понимание терроризма. Обосновываются предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере общественных отношений. В работе частично использованы более ранние авторские публикации.

Ключевые слова: терроризм, уголовный закон, террористический акт, власть, преступное деяние, доктринальное толкование.

INTERPRETATION OF THE CONCEPT "TERRORISM": HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Ivan V. Uporov

Doctor of History, Ph.D., Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

uporov@list.ru

ABSTRACT

The concept of "terrorism" has been the subject of both doctrinal interpretations and legislative regulation for a long time. At the level of trends, the article examines the features of this process in relation to our country, when scientific publications on this subject began to appear back in Soviet times (late 1980s). It is noted that the Russian legislator has significantly adjusted the understanding of terrorism. Substantiates proposals for improving legislation in this area of public relations. The work partially uses earlier author's publications.

Keywords: terrorism, criminal law, terrorist act, power, criminal act, doctrinal interpretation.

Понятие «терроризма» как общественно опасного явления (деяния) в правовой сфере имеет неоднозначную трактовку, во всяком случае трансформация его признаков очевидна как с правовых актов, так и в научных трудах. Разумеется, речь не идет о фундаментальных различиях, поскольку имеется общепринятое понимание того, что акты терроризма связаны с насилием и содержат незаконные требования к властным структурам. Тем не менее представляется целесообразным уточнить понятие терроризма. В этой связи следует заметить, что российский законодатель в постсоветский период за относительно короткий срок кардинально изменял свою позицию, что показывает актуальность поднятой темы.

Так, в первоначальной редакции УК РФ 1996 г. в ст. 205 законодатель формулировал состав терроризма следующим образом: «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» [1]. Спустя 2 года в другом, принятом в 1998 г. законе (ФЗ «О борьбе с терроризмом») дается иное определение: «насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно-опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения других неправомерных интересов; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации в целях провокации войны или осложнения международных отношений» [2].

Несколько позже (2001 г.) в Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (ратифицирована Россией в 2003г.) терроризм трактуется по-иному: «какое-либо деяние ... направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения, и преследуемые в уголовном порядке» [3].

В доктринальном плане по этому поводу велась довольно активная дискуссия по поводу понятийного аппарата, и прежде всего в отношении ключевого термина – «терроризм», причем, начало ее в нашей стране было положено еще в советском государстве (при этом нужно иметь в виду, что в СССР речь шла применительно к международному терроризму, поскольку считалось, что в стране социализма такого рода деяния являлись исключением). В частности, И. П. Блищенко и Е.В. Жданов (публикация 1981 г.) под террористическими актами понимали «совершенные физическим лицом 1) насильственные действия в виде попытки или совершения нападения, захвата, похищения, причинения телесных повреждений, убийства или действий, создающих угрозу в отношении официальных представителей государства и членов их семей; 2) захват,

нанесение ущерба и уничтожения имущества, необходимого для осуществления политических, экономических, технических, торговых и культурных отношений, между государствами, а также совершение тех же действий в отношении средств, оборудования и сооружения воздушного, водного, железнодорожного и автомобильного транспорта» [4, с. 113]. К этому добавлялось условием о том, что квалификации деяния в качестве террористического акта международного характера возможно при наличии специального мотива, который заключался в «осложнении международных отношений».

Другой известный советский ученый-правовед И.И.Карпеца полагал, что терроризмом следует считать «международную либо внутригосударственную, но имеющую международный характер ... организационную и иную деятельность, направленную на создание специальных организаций и групп для совершения убийств и покушений на убийства, нанесения телесных повреждений, применения насилия и захвата людей в качестве заложников с целью получения выкупа, насильственного лишения человека свободы, сопряженного с глумлением над личностью, применением пыток, шантажа и т. д.; терроризм может сопровождаться разрушением и ограблением зданий, жилых помещений и иных объектов» [5, с. 98]. В.В. Витюк и С.А. Эфиоров указывали на то, что терроризм - это политическая тактика, связанная с использованием и выдвиганием на первый план тех форм вооруженной борьбы, которые определяются как террористические акты [6, с. 222].

В связи с распадом советского государства и участвовавшими актами терроризма исследования по разным аспектам терроризма активизировались, в том числе это касается понятийного аппарата. Приведем лишь две точки зрения, учитывая ограниченный формат статьи. Так, Ю. И. Мгимов считает, что под терроризмом следует понимать заранее продуманное и подготовленное противозаконное применение насилия или вероятность такой акции в отношении личности или ее собственности, с целью вынудить правительство (общество, государство) принять решение, отвечающее требованиям противоправных сил [7, с. 38]. По мнению С. Гринько, терроризм – это нарушение общественной безопасности путем применения огнестрельного оружия, совершения взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность для жизни и здоровья людей и жизненно важных интересов общества, если эти действия совершены в целях устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти [8, с. 34]. Тогда же стали более четко описываться признаки терроризма.

Из научной сферы обсуждение понятия категории «терроризм» перешло к законодателю. Так, в сентябре 2005 г. Председатель ГД С РФ Б.В. Грызлов отметил, что «у понятия терроризм очень много трактовок ... множественность трактовок этого понятия может привести к возникновению двойных стандартов в данной сфере. Понятие терроризм должно получить расшифровку в законодательном акте» [9]. В результате это было сделано в принятом в 2006 г. федеральном законе «О противодействии терроризму». Здесь законодатель, в частности, указывает, что «терроризм - идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [10]. Было дано также аутентичное толкование таких понятий, как «террористическая деятельность», «террористический акт», «противодействие терроризму» «контртеррористическая операция».

На наш взгляд, говорить об «идеологии» как системе взглядов, идей, характеризующих социальную группу (в данном случае преступной направленности), нет достаточных оснований, в связи с чем «идеология насилия и практика воздействия» в нормативно-правовом понятии терроризма целесообразно заметить словами

«противоправное воздействие» (соответственно необходимо исключить слово «противоправный» из конца формулировки понятия терроризма). Обращает на себя внимание, что законодатель однозначно полагает под террористическими актами действия, связанные с выдвижением требований органам власти. Это очень важный момент, который мы особо подчеркиваем. Соответственно, если при тех же действиях объективной стороны диспозиции, предусмотренной ст. 205 УК РФ, нет цели воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, то нет и преступления в виде террористического акта. На наш взгляд, это правильный подход, который позволяет довольно четко квалифицировать деяния в виде взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека.

И в этом смысле мы не можем согласиться с точкой зрения Л. Левинсона, который, комментируя принятие ФЗ «О противодействии терроризму», отмечает, что «под «терроризм» без труда можно подвести теперь при желании не только маркиза де Сада или Маркса с Лениным, но и любую социальную философию, признающую возможность восстания, независимо от того, поддерживается ли этой «идеологией» именно вооруженное восстание. Под сомнение может быть поставлен и весь правозащитный дискурс, поскольку определяющая его Всеобщая Декларация прав человека говорит в своей преамбуле о восстании как о последнем средстве против тирании и угнетения» [11].

Но это, скорее, эмоциональная оценка, и здесь указанный автор слишком вольно толкует положение Декларации прав человека [12] о восстании. Это касается и упоминания Маркса и Ленина, которое в подтексте понимается так, что государство совершало террор против населения, что, разумеется, имеет отношение не столько к праву, сколько к публицистике. В этой связи важно заметить, что с юридической точки зрения государство по определению не может совершать актов терроризма, поскольку терроризм – это, как отмечалось, общественно опасное явление, и его совершают преступники, идя на нарушение действующих в данном государстве законов, изданных государством же, на что уже обращалось внимание в юридической литературе [13, с. 21]. Другое дело, что история знает немало периодов, когда преступники совершали акты терроризма из высоких по их пониманию целей (например, народовольцы в XIX в., однако при этом они в любом случае остаются с формальной точки зрения преступниками-террористами, несмотря даже на то, что впоследствии многих террористов героизировали и их именами называли улицы и даже города (например, город Кропоткин Краснодарского края) – юридическая сущность преступления на момент его совершения не меняется.

Как бы ни было, российский законодатель в целом определенным образом обобщил понятие терроризма. Но проблемы правового регулирования еще остаются, поскольку социальная практика предопределяет новые вызовы в этой сфере. Так, А.В. Ростокинский справедливо указывает на необходимость более четкого подхода законодателя в связи с терроризмом в условиях военного времени [14, с. 159]; в этой же связи требует уточнения понятие «международный терроризм». Исходя из этого, на законодательном уровне должны уточняться и характеристики контртеррористической деятельности, осуществляемой государством.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31. 01. 2023 г.).
2. ФЗ от 25.07.1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» // Росс. газета. 1998. 4 августа.

3. Шанхайская конвенция «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (заключена 15.06.2001 г.) // Сб. межд. док.в по борьбе с преступностью. М., 2002. С. 57-59.
4. Блищенко И. П. , Жданов Н. В. Сотрудничество государств в борьбе против террористических актов международного характера // Советское государство и право. 1981. № 8. С. 113.
5. Карпец И. И. Преступления международного характера. М., 1979. С. 98.
6. Витюк В.В.,Эфиоров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987. С. 222-223.
7. Мгимов Ю.И. Современный терроризм // Зарубежное военное обозрение. 1994. № 1. С. 37-38.
8. Гринько С. Понятие терроризма // Законность. 2005. № 8. С. 34.
9. Спикер нижней палаты считает, что у терроризма должно быть одно толкование // РИА «Новости». 16.09. 2005 / <https://ria.ru/20060916/53956685.html> (дата обращения: 30.01.2023 г.).
10. ФЗ от 06.03.2006 N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Парламентская газета. 2006. 10 марта.
11. Левинсон Л. О противодействии терроризму: закон, принятый по указу // Права человека в России. 2006. 10 марта.
12. Всеобщая Декларация прав человека 1948 г. // Сборник международных актов по правам человека. М.: Юридическая литература, 1989. С. 7-14.
13. Антонян Ю.М. Терроризм: Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 21.
14. Ростокинский А.В. Проблемы формирования понятия «терроризм» // Право и управление. 2022. № 9. С. 159-165.

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 06/13/1996// SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 31. 01. 2023).
2. Federal Law of 07.25.1998 No. 130-ФЗ "On the fight against terrorism" // Ross. newspaper. 1998. August 4.
3. The Shanghai Convention "On the fight against terrorism, separatism and extremism" (concluded on 06/15/2001) // Sat. Mezhd. Doc. in the fight against crime. M., 2002. S. 57-59.
4. Blizchenko I.P., Zhdanov N.V. Cooperation of states in the struggle against terrorist acts of an international nature // Soviet state and law. 1981. No. 8. P. 113.
5. Karpets I. I. Crimes of an international nature. M., 1979. S. 98.
6. Vityuk V.V., Air S.A. "Left" terrorism in the West: history and modernity. M., 1987. S. 222-223.
7. 7. Mgmov Yu.I. Modern terrorism // Foreign Military Review. 1994. No. 1. P. 37-38.
8. 8. Grinko S. The concept of terrorism // Legality. 2005. No. 8. P. 34.
9. 9. The speaker of the lower house believes that terrorism should have one interpretation // RIA Novosti. 16.09. 2005/<https://ria.ru/20060916/53956685.html> (date of application: 01/30/2023).

10. Federal Law of 06.03.2006 N 35-ФЗ "On Countering Terrorism" // Parliamentary newspaper. 2006. March 10.
11. Levinson L. On countering terrorism: a law adopted by decree // Human rights in Russia. 2006. March 10.
12. The Universal Declaration of Human Rights 1948 // Collection of international acts on human rights. M.: Legal literature, 1989. S. 7-14.
13. Antonyan Yu.M. Terrorism: criminological and criminal law examination. M., 1998. S. 21.
14. Rostokinsky A.V. Problems of forming the concept of "terrorism" // Law and management. 2022. No. 9. S. 159-165.